

САШЕ ГЕРЦЕНУ

Публикация Л.И. М а т ю ш е н к о

Настоящая публикация содержит два документа: записку без даты (возможно, это приписка к неизвестному нам письму, скорее всего адресованному жене Герцена, Наталье Александровне) и памятную записку (“нравственное завещание”) от 1 января 1859 г.

Записка (или приписка) о посылке сыну “Всемирной географии” К. Мальт-Брёна не подается точной датировке. Наиболее вероятным нам представляется июнь 1851 г. К этому времени уже определились склонности Саши к занятиям естественными науками. 30 апреля 1850 г. Герцен с радостью пишет о возможности для сына брать уроки у К. Фогта: “Ведь это моя мечта – направить его в сторону естественных наук” (XXIV, 39). О своих занятиях с Фогтом Саша сообщает отцу в июне 1851 г. (см. кн. 2-ю наст. тома). В июне того же года Герцен купил для сына и рельефные географические карты Европы, Швейцарии и России. “География” Мальт-Брёна могла быть подарком ко дню рождения Саши: 25 июня ему исполнилось двенадцать лет. “Всемирная география” Мальт-Брёна была известна Герцену еще в России. Он ссылается на нее в “Заметках...” (см. I, 369); Мальт-Брэн упоминается и в романе “Кто виноват?”, в характеристике женева Жозефа, учителя Владимира Бельтова. В письме к Г. Гервегу от 21 февраля 1850 г. Герцен называет Мальт-Брёна в числе авторов, по которым сам изучал географию (XXIII, 278).

Второй публикуемый документ – памятная записка, обращенная к сыну. Она датирована 1 января 1859 г. и относится ко времени пребывания Александра Александровича в Англии, куда он приезжал из Берна на свои первые каникулы. Написана она за три дня до его отъезда обратно в Швейцарию.

Адресованная тому, кто еще находится рядом, повторяющая уже произнесенное вслух, публикуемая записка, которую Герцен называет своим “нравственным завещанием”, представляет собой один из характерных жанров его эпистолярного наследия. Здесь обобщается и продолжается то, о чем говорилось и прежде. Это “думы” в эпистолярной форме.

Содержание публикуемого документа очень значительно. В нем высказано самое сокровенное о покойной матери Саши, о его сестрах. Именно здесь находим мы едва ли не самые душевные слова Герцена об Огареве.

Идущие от сердца строки о старшей дочери позволяют увидеть в Герцене высший дар отцовского понимания и родственности натур его и Таты.

В характеристике Ольги сказались ум и мудрость отца и поистине “материнская нежность”, которая, по свидетельству М. Мейзенбуг, была свойственна Герцену в его отношении к дочерям. Материнская “боль любви” была как бы завещана Герцену покойной Натальей Александровной и постоянно поддерживалась памятью о ней. В этой записке одна из самых возвышенных ее характеристик.

“Нравственное завещание” во многом оказалось пророческим. Как известно, не всем надеждам Герцена суждено было оправдаться. Но оправдалась надежда на глубокую духовную связь его детей с Огаревым. Это подтверждается многими документами, публикуемыми в настоящем томе, особенно перепиской Огарева с детьми Герцена.

Письма публикуются по фотокопии РГБ с автографов *BN*.

Письмо 1 впервые опубликовано М. Мерво в “*Revue des Etudes Slaves*”, 1981, № 2, p 253; п. 2 – М. Окutorye в *ААН*, 291, затем Л.Р. Ланским в ст. “Новое о Герцене” (“Лит. газета”, 1974, № 5, 30 янв.).

1

(Париж. Июнь 1851 г.?)

Саша, тебе я посылаю прекрасное издание с картинками Географии Малте-Брюна¹.

¹ Главный, двенадцатитомный труд К. Мальт-Брёна (настоящее имя и фамилия *Malthé Conrad Bruun*) “*Précis de géographie universelle*” выходил в Париже с 1810 по 1829 г. В 1842 г. вышло однотомное иллюстрированное издание – “*Abbrégé de géographie universelle physique, historique, politique, ancienne et moderne*”, которое, вероятно, и было подарено Герценом подростку-сыну.

РИМ. СОБОР СВЯТОГО ПЕТРА

Гравюра Ле Пети, 1830-е годы

Из книги: С. Malte-Brun. Abrégé de Géographie universelle physique, historique, politique, ancienne et moderne. Paris, 1842

Экземпляр этого издания Герцен послал сыну в июне 1851 г.

2

(Фулем.) 1 января 1859

Я хочу тебе, друг Саша, написать для памяти те слова, которыми мы встретили вчера Новый год¹.

Во всем мире у вас нет ближе лица, как Огарев – вы должны в нем видеть связь, семью, второго отца. Это моя первая заповедь.

Где бы вы ни были, случайно, средоточие вас всех дом Огарева.

На Огареве, на Natalie, на тебе – ляжет без меня обязанность – развитие Таты и Ольги. Стыдно, если вы втроем ничего не сделаете, и стыдно, кто устанет, не докончив воспитание.

Тата – так велика умом и так развита сердцем, что ее легко вести.

Развитие Ольги – сложнее, она была всех больше сиротой, любви матери – которая вас воспитала – она не знала. Ее чрезмерная живость, беспокойный характер – делает ее воспитание трудным. Она *пробьется* – в этом я не сомневаюсь, ее натура чрезвычайно талантлива – но горько мне было бы думать, что она *пробьется по-сторонней вам* – без чувства семейного единства и любви.

Пока будет возможно, живите с Огаревыми. Вы четверо – т.е. с Лизой – составите с ними – живое продолжение нашей жизни. Идеал у вас в памяти и сердце – ваша мать. Гармоничнее, изящнее существа я не встречал.

Если возможно воротиться в Россию – возвратитесь – там ваше место.

И еще одно – никогда, *ни в каком случае*, чтобы не было денежных споров, – всё поровну – денежные споры выражают большую грубость души и мелкость чувств².

Вот на первый случай. Буду иногда продолжать. Листик этот – мое нравственное завещание³.

Твой отец

¹ “Мы были одни, и за печальными разговорами пробило 12”, – вспоминал Герцен (XXVI, 233).

² Ср. публикуемую в кн. 2-й наст. тома “Объяснительную записку” А.А. Герцена.

³ Как непосредственное продолжение этого документа можно рассматривать “Записку на случай моей смерти”, которую Герцен начал писать в июле того же года (см. XXVI, 281–282).

Огареву и Н.А. Тучковой

Публикация Л.И. М а т ю ш е н к о^{16*}

Публикуемый документ был предназначен для отправления в Россию. Он оставляет впечатление некоторой “тайнописи”. В нем нет ни подписи, ни обращения к адресатам; не названо имя “бедной страдалицы, заплатившей жизнью за несчастное сердечное заблуждение”. Угадываемый на фотокопии автографа почерк Герцена нарочито изменен.

Дата письма (8 июля) и указанное место написания (швейцарский кантон Тичино, или Тессин) дают возможность определить и год (1852) и город (Лугано), где находился тогда Герцен. Содержание письма не вызывает сомнений в его авторстве. Адресаты также со всей бесспорностью устанавливаются по содержанию. Это самые близкие Герцену в России люди, которые еще далеко не все знают о его семейной драме. Встреча с ними – его страстное желание. Это, конечно, Огарев и Н.А. Тучкова, приезда которых ожидает Герцен. Тучковой известна воля покойной Натальи Александровны в отношении детей, и лишь ее Герцен называл “сестрой”.

О существовании документа, печатаемого здесь, знали давно. Именно о нем идет речь в письме Герцена к М.К. Рейхель от 8 июля 1852 г.: “Вложу записочку к Огар(еву), постарайтесь ее доставить через Тат(ьяну) Ал(ексеевну) (...) Я думаю, что вы берете все меры насчет записок в Россию, будьте осторожны, как змий” (XXIV, 295).

21 июля 1852 г. у Герцена возникла новая идея: “Да чего же лучше записку послать с Боткиным, дайте ему непременно статью из ниццкой газеты^{17*}, два-три экземпляра, пусть подкладку подошьет” (XXIV, 303). В письме к Рейхель от 23 июля Герцен настаивает на свидании с Н.П. Боткиным до его отъезда в Россию и повторяет: “Записку Огареву может и Боткин взять” (XXIV, 307).

У нас нет сведений о том, когда и каким образом “записка” была отправлена в Россию: по почте на имя Астраковой, как первоначально предполагалось, или с Боткиным. Во всяком случае, о судьбе своей записки Герцен не знал еще 1 ноября 1852 г., когда писал Рейхель: “Послали ли вы в Москву мою записку? Если нет, прибавьте, что я Ог(арева) жду как величайшее и последнее благо. Пишите, что я жду” (XXIV, 358).

Прямыми сведениями, подтверждающими получение записки адресатами, мы также не располагаем, но отклики на ее содержание известны. Это прежде всего письмо Огарева к Н.М. Сатину от 26 января/7 февраля 1853 г.: “Имел я голос издалека, голос измученный, кричащий от боли и призывающий. Думать нечего, мешкать нечего. Сожгу мосты за собою, а там, что бы ни случилось, я на все готов, и не пожалею ни сил, ни жизни” (РГБ, ф. 69.8, л. 339).

Главное значение публикуемого документа в том, что это первые дошедшие до нас строки Герцена, написанные после смерти Натальи Александровны и адресованные Огареву.

Записка отражает трудное для Герцена время. 22 мая 1852 г., через три недели после похорон жены и на следующий день после печальной четырнадцатой годовщины своей свадьбы, он отправил дочерей в Париж с Рейхель и остро переживал разлуку с ними, “особенно отсутствие Таты” (XXIV, 275). “Судорожное волнение, в котором я жил, улеглось, зато пустота и весь ужас потери яснее, живее. Всякую ночь я вижу во сне смерть Н(аташи)”, – делится он своими переживаниями с Рейхель (XXIV, 207). В начале июня, собираясь покинуть Италию, Герцен уничтожает значительную часть своего личного архива. Горестно простившись с Ниццей и дорогой могилой, Герцен с сыном 8 июня уезжает в Геную, затем в Лугано. Пребывание в

^{16*} Письмо перевела с французского и итальянского автор публикации Л.И. Матюшенко.

^{17*} Статья из “Avenir de Nice” от 13 июля 1852 г. рассказывает о посещении Г. Гервега Э. Гаугом и М.-Э. Тесье дю Моте по поручению Н.А. Герцена и о пощечине, данной Гервегу (см. Л VII, 77: XXIV, 501).